

Письменные замечания заявителя

по делу № 42933/11 «Кудрин против России»

Фактические обстоятельства дела

1. По настоящему делу Секретарит Суда не готовил подробного изложения фактических обстоятельств дела. Российские власти, которым было предложено это сделать, этого не сделали. Соответственно, Заявитель лишен возможности высказать своё отношение к тому, как фактические обстоятельства дела были изложены кем-то другим. Заявителю не предлагалось излагать фактические обстоятельства дела. Поэтому он не делает этого. Однако при ответах на вопросы Суда в необходимых случаях приводит те фактические обстоятельства, изложенные в его жалобе, которые важны для этих ответов.

Вопросы права

Приемлемость жалобы

2. Власти не оспаривали в своих письменных замечаниях приемлемость жалобы. Ими были поданы замечания лишь по существу. И срок на подачу письменных замечаний по приемлемости, то есть оспаривание приемлемости жалобы, уже истёк. Поэтому Заявитель считает, что приемлемость жалобы не является предметом спора. И не обосновывает её вновь.

Ответы на вопросы Суда

3. Принимая во внимание, что ответы на вопросы Суда под № 1 зависят от ответов на вопросы под №№ 2—5, Заявитель считает необходимым предоставить ответы в соответствующем порядке. Поскольку аргументы властей, изложенные в их письменных замечаниях, ограничиваются воспроизведением содержания приговора, а также обоснованием невозможности раскрыть Суду информацию о свидетелях, допрошенных без раскрытия данных об их личностях, в то время как Суд не просил их

раскрывать эти данные, Заявитель не видит необходимости и смысла отдельно высказываться в отношении аргументов властей.

Ответ на вопросы Суда под № 2: «Имелись ли веские основания не раскрывать во время судебного разбирательства данные о личности свидетелей, допрошенных под псевдонимами «Наталья», «Альфа», «Бета» и «Мамонов» (см. *Pesukic v. Switzerland*, no. 25088/07, § 45, 6 December 2012 и *Scholer v. Germany*, no. 14212/10, §§ 50-51, 18 December 2014)? (a) Если да, то какими были эти основания и были ли они надлежащим образом рассмотрены судами? (b) На какие положения российского законодательства и практики его применения ссылались национальные суды, принимая решение не раскрывать данные о личностях этих свидетелей?»

4. Веских оснований не раскрывать во время судебного разбирательства данные о личностях названных выше свидетелей, допрошенных под псевдонимами, не имелось.

5. При обсуждении вопроса о возможности допроса свидетеля под псевдонимом «Наталья» без раскрытия данных о его личности государственный заявитель отказался обосновывать необходимость сохранять эти данные в секрете, сославшись лишь на существование такой же угрозы, как и в отношении свидетеля Сизова Р.Р.: «В соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса РФ, указанный свидетель [под псевдонимом «Наталья»] засекречен. Я не буду подробно останавливаться на этом, потому что в этом нет необходимости. Невозможно рассекретить данные об этом свидетеле. Как мы видим, свидетелю Сизову Р.Р. также угрожали[,] и эта угроза реальная. На основании его заявления к нему применены меры безопасности. Для указанного засе[кр]еченного свидетеля также существует такая угроза. В отношении него может быть совершено одно из противоправных деяний, которые запрещены уголовным законодательством» (см. с. 64 ниже).

6. Суд мотивировал своё решение допросить свидетеля под псевдонимом «Наталья» в условиях, исключающих визуальное наблюдение, тем, что речь идёт о совершении особо тяжких преступлений и «в ходе предварительного следствия, с учетом полученных данных о возможном воздействии на свидетеля, который, давая показания в ходе предварительного следствия, опасался за свою жизнь и здоровье, было вынесено постановление о засекречивании данных этого свидетеля; при рассекречивании данных свидетеля в судебном заседании <...> основания, по которым свидетель был засекречен, исключены быть не могут, а также, оценивая соотношение интересов защиты с аргументами в пользу сохранения анонимности свидетеля, суд приходит к выводу о необходимости допроса засекреченного свидетеля [в условиях], исключая[их] его визуальное наблюдение» (см. с. 65 ниже).

7. В соответствии со статьей 166 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ (часть 9) в постановлении, на основании которого в ходе предварительного следствия засекречиваются данные о личности свидетеля, указываются причины принятия такого решения. И председательствующий в судебном заседании должен ознакомиться с этими данными. Однако неясно, каким образом он может оценить обоснованность вывода о наличии этих причин. Учитывая, в частности, что никакого отдельного элемента судебного разбирательства, который был бы посвящен этому вопросу, ни в законе, ни на практике не существует. Кроме того, закон не предусматривает сопровождение такого постановления подтверждающими документами. защите неизвестны никакие материалы уголовного дела, которые подтверждали бы обоснованность этого постановления. И в любом случае они не были названы ни государственным обвинителем, ни судом. Соответственно, защита лишена возможности убедиться в обоснованности утверждения, будто бы имеются «данные о возможном воздействии на свидетеля», о реальности его опасений за свои жизнь и здоровье, то есть эффективно оспаривать эти утверждения при решении вопроса о допросе свидетеля в условиях, исключающих его визуальное наблюдение.

8. Кроме того, свидетель Сизов Р.Р. никогда не давал показаний о том, что ему кто-либо угрожал убийством или причинением вреда здоровью. С его слов, Заявитель и Ходак А.А. просили его взять ответственность за преступления на себя. Он согласился на это. И потом от него требовали сделать то, на что он добровольно дал своё согласие. И в связи с этим несколько человек, включая его собственных знакомых и друзей, держали его в квартире (см. с.с. 29—30 ниже). Действительно, свидетель Сизов Р.Р. показал, что в какой-то момент он направил знакомому сотруднику милиции сообщение: «Жека, забери меня, я у «Митяя» дома», а потом позвонил жене этого сотрудника милиции и, с его слов, сказал: «Помоги мне, иначе меня убьют» (см. с. 32 ниже). Однако свидетель Сизов Р.Р. никогда не давал показаний о том, что ему действительно кто-то чем-то угрожал, тем более убийством. Более того, «Митяя», т.е. Панченко Д.В., он прямо назвал в суде своим другом (см. с. 41 ниже). На вопрос защитника Заявителя: «Вы говорите, что на Вас оказывали психическое и физическое воздействие, Вас били?», - свидетель Сизов Р.Р. ответил: «конечно меня избili бы, это однозначно». На вопрос: «к Вам насилие применяли физическое?», - он ответил: «нет, просто сказали, что я пообещал [взять ответственность на себя]». На вопрос: «какое-либо другое воздействие было?», - он ответил: «мне сказали: «Ты пообещал, должен сделать, делай!» (см. с. 35 ниже). Таким образом, свидетель Сизов Р.Р. не утверждал, что его били или применяли к нему какое-то иное насилие. Он лишь высказал предположение, что его избили бы. На чём оно было основано, он не говорил. При этом, исходя из обстоятельств дела, свидетель Сизов Р.Р. не выполнил то, что, с его собственных слов, он пообещал сделать. Но ни о каком избиении его кем бы то ни было когда-либо он никаких показаний не давал.

9. Кроме того, в итоге Сизов Р.Р. и на предварительном следствии, и в судебном заседании дал показания под своим собственным именем. И не сообщал, что в связи с этим у него были какие-то проблемы.

10. Таким образом, никаких «угроз», а тем более «реальных угроз» жизни или здоровью свидетеля Сизова Р.Р. никто никогда не высказывал.

11. Во время допроса в судебном заседании свидетель под псевдонимом «Наталья» на вопрос защитника Заявителя подтвердил, что его жизни здоровью, близким, родным свидетеля ничего не угрожает, а данные свидетеля являются засекреченными, потому что «[она просто] сама так решила» (см. с. 68 ниже).

12. Необходимость допроса без раскрытия данных о личности свидетелей под псевдонимами «Альфа», «Бета» и «Мамонов» государственный обвинитель, согласно протоколу судебного заседания, не стал обосновывать в принципе (см. с.с. 78, 90 и 98 ниже).

13. Мотивировка суда о допросе без раскрытия данных о личности и без визуального наблюдения свидетелей «Альфа», «Бета» и «Мамонов» дословно воспроизводит мотивировку, использованную им в отношении свидетеля под псевдонимом «Наталья» (см. с.с. 79, 91 и 98—99 ниже).

14. В ходе допроса лишь раз свидетель под псевдонимом «Альфа» сказал, что он «опасается за свою жизнь», объяснив этим отказ отвечать на вопрос, когда именно его допрашивали в ходе предварительного следствия. И затем повторил то же самое, когда Ходак А.А. спросил о причинах, по которым тот захотел остаться засекреченным свидетелем (см. с.с. 81—82 ниже). Однако никаких оснований для таких опасений свидетель под псевдонимом «Альфа» в ходе допроса не назвал.

15. Свидетель под псевдонимом «Бета» на вопрос защитника о том, по какой причине он отказывается дать согласие на рассекречивание данных о своей личности, ответил: «потому что опасаясь за свою жизнь и здоровье». А в ответ на вопрос о том, какие у него есть основания для этого, добавил: «такие. Потому что он уже убил человека. Вдруг у него тут какие-то «кореша» остались, туда-сюда» (см. с. 93).

16. Свидетель под псевдонимом «Мамонов» в ходе допроса в принципе не говорил, что он чего-то опасается со стороны Заявителя или Ходака А.А. (см. с.с. 97—106 ниже).

17. Таким образом, хотя угроза жизни и здоровью в принципе, безусловно, является относимым (relevant) основанием для сохранения

данных о свидетеле в тайне, в данном случае отсутствовали достаточные (sufficient) основания говорить о наличии такой угрозы в отношении свидетелей под псевдонимами «Наталья», «Альфа» и «Бета». А о наличии таких оснований в отношении свидетеля под псевдонимом «Мамонов» в судебном заседании и вовсе никто не заявлял.

Ответ на вопрос Суда под № 3: «Был ли обвинительный приговор в отношении заявителя полностью или в решающей степени основан на показаниях свидетелей, данные о личностях которых не были раскрыты?»

18. Обвинительный приговор в отношении заявителя был в решающей степени основан на показаниях свидетелей «Наталья», «Альфа», «Бета» и «Мамонов», данные о личностях которых не были раскрыты.

19. Анализ приговора свидетельствует о том, что в основу вывода о виновности Заявителя в совершении преступления положены следующие доказательства:

19.1. показания потерпевшего Качмазова Алана – родного брата убитого Качмазова Александра, который утром 26 июля 2009 года находился на месте происшествия и, с его слов, «[т]о, что это были [Заявитель] и Ходак А.[,] <...> уверен, так как на небольшом расстоянии и в начале шестого утра хорошо разглядел их», а также протокол очной ставки между Качмазовым Аланом и Заявителем от 27 июля 2009 года, согласно которому первый опознал Заявителя как стрелявшего в его брата, и протокол предъявления для опознания по фотографии от 30 октября 2009 года, согласно которому Качмазов Алан опознал на фотографии Ходака А.А. и пояснил, что тот стрелял в него, но не попал (см. с.с. 5—6 и 21 приговора);

19.2. показания свидетелей Кимайкина Ю.В., Багаева А.Н., Шевченко С.Е. и оперуполномоченного Нагорнова М.В., которые сообщили, что после убийства, в некоторых случаях – прямо на месте происшествия Качмазов Алан говорил, что в его брата и в него самого стреляли Заявитель и Ходак А.А. (согласно показаниям Багаева А.Н. он назвал их по кличкам, остальные

свидетели вели речь о фамилиях). При этом свидетель Шевченко С.Е., сообщивший, что Качмазов Алан сказал ему об этом в то же утро, когда произошло убийство, добавил, что, по его мнению, Качмазов Алан не мог знать фамилий Заявителя и Ходака А.А. в связи с непродолжительным пребыванием в поселке, и когда свидетель Шевченко С.Е. приезжал утром в отдел внутренних дел (ОВД) за Качмазовым Аланом, то в кабинете следователя он видел личные дела Заявителя и Ходака А.А., которых знал как «лиц криминальной направленности» (см. с.с. 9—11, 15 и 27 приговора);

19.3. показания свидетеля Сизова Р.Р., сообщившего, что он слышал разговор Заявителя и Ходака А.А., из которого понял, что они хотят убить Качмазова Александра, после чего Ходак А.А. предложил Заявителю съездить за обрезам. Позже свидетель Сизов Р.Р., с его слов, видел на заднем сиденье автомобиля Ходака А.А. ружьё, у которого виднелся только приклад. Свидетель Сизов Р.Р. также сообщил, что от Панченко Д.В. он узнал, что тот вместе с Заявителем и Ходаком А.А. ездил за ружьями. Сизов Р.Р. также рассказал, что Заявитель и Ходак А.А. после задержания связывались с ним по телефону и предлагали взять ответственность за преступление на себя. И с их слов ему стало известно, что Заявитель убил Качмазова Александра, а Ходак А.А. пытался убить его брата – Качмазова Алана. При этом в судебном заседании были допрошены несколько свидетелей, которые показали, что Сизов Р.Р. просил обеспечить ему алиби на ночь убийства, рассказывал им, что «из-за него сидят пацаны», что именно он убил Качмазова Александра (см. с.с. 7—8 и 47—48 приговора);

19.4. показания свидетеля Панченко Д.В., данные 31 июля 2009 года в ходе предварительного следствия, оглашенные в суде и не подтвержденные свидетелем, согласно которым после конфликта возле ночного клуба с Качмазовым Александром Заявитель «[н]еоднократно говорил, что убьёт [его]», той же ночью Заявитель и Ходак А.А. вместе с Панченко Д.В. и Едыкиным Р.В. съездили за ружьями, после чего Заявитель велел Панченко Д.В. поехать в центр поселка и посмотреть, нет ли милиции, сообщив результаты по телефону. Также Панченко Д.В., согласно составленному в

ходе предварительного следствия протоколу допроса, показал, что за два – три месяца до этого Заявитель и Ходак А.А. похитили два охотничьих ружья у жителя поселка Ныш, которого он назвал Зыряновым Иваном. При этом в судебном заседании Панченко Д.В. рассказал, что после посещения ночного клуба они с Едыкиным Р.В. ездили по городу, а Заявителя и Ходака А.А. больше не видели. Он также сообщил, что его оглашенные показания от 31 июля 2009 года были даны в городе Южно-Сахалинске в результате подробно описанного им физического насилия, которое сотрудники правоохранительных органов начали применять к нему еще 26 июля 2009 года в поселке Ноглики, откуда он по этой причине и уехал, но по поручению следователя был задержан на вокзале сразу по прибытию в Южно-Сахалинск и отпущен для вылета в город Хабаровск только после дачи нужных следствию показаний. При том в ходе допроса 26 июля 2009 года, в день убийства, в поселке Ноглики Панченко Д.В. никаких показаний, изобличающих Заявителя и Ходака А.А., не давал, о чем прямо написано в приговоре. В приговоре также прямо указано, что Панченко Д.В. неоднократно менял свои показания и что множество сведений, сообщенных им в показаниях от 31 июля 2009 года, как выяснил сам суд, не соответствуют действительности. При оценке оглашенных показаний Панченко Д.В., от которых он отказался, как соответствующих действительности суд сослался исключительно на изложенные ниже показания свидетеля под псевдонимом «Наталья», а также на заявление жителей поселка Ныш Зрянина И.А. и Рогозина Е.С. о хищении у них ружей (см. с.с. 6 и 32—36 приговора);

19.5. показания свидетеля под псевдонимом «Наталья», допрошенного в условиях, исключающих визуальное наблюдение, не являвшегося очевидцем преступления и давшего все показания со слов Панченко Д.В. По утверждению свидетеля под псевдонимом «Наталья», 26 июля 2009 года, перед отъездом из Сахалинской области из опасения мести со стороны Заявителя и Ходака А.А., Панченко Д.В. рассказал свидетелю под псевдонимом «Наталья», с которым поддерживал дружеские отношения, о том, что Панченко Д.В. с Едыкиным Р.В., Заявителем и Ходаком А.А. ездили

за ружьями (см. с. 7 приговора). При этом после вынесения приговора Едыкин Р.В. обратился к защитникам Заявителя и сообщил, что свидетелем под псевдонимом «Наталья» являлся он. Хотя он также был допрошен в судебном заседании под собственным именем и подтвердил показания Панченко Д.В., данные тем в судебном заседании – о том, что, уехав из клуба, они вместе с Панченко Д.В. ездили по поселку. Никаких показаний против Заявителя и Ходака А.А. Едыкин Р.В. не давал (см. с. 7 приговора). Едыкин Р.В. подробно рассказал защитнику заявителя, как его сначала заставили на предварительном следствии подписать показания от имени свидетеля под псевдонимом «Наталья», подготовленные на основании показаний Панченко Д.В., полученных у того 31 июля 2009 года в Южно-Сахалинске, а затем вынудили зачитать эти показания в судебном заседании в условиях, исключающих визуальное наблюдение. Причем перед дачей показаний он был заперт судьей в отдельном кабинете суда вместе со следователем Шумской М.А., которая подсказывала ему ответы на вопросы участников судебного разбирательства (см. с.с. 108—114 ниже). Едыкин Р.В. был готов дать показания обо всём этом в заседании суда второй инстанции, однако соответствующее ходатайство защитника Заявителя (см. с. 115 ниже) было оставлено без удовлетворения. Защита Заявителя обращала внимание на то, что данные в судебном заседании показания свидетеля под псевдонимом «Наталья» дословно воспроизводят протокол допроса этого свидетеля на предварительном следствии, хотя свидетель утверждал, что у него с собой нет никаких документов (см. с.с. 67, 71—73 ниже). Согласно протоколу судебного заседания, свидетель под псевдонимом «Наталья» на ряд вопросов ответил только после продолжительных пауз и повторения вопроса, на что защита Заявителя была вынуждена обратить внимание (см. с.с. 68—70 ниже). Наличие длительных пауз было прямо признано судом, который указал в приговоре, что «[п]аузы, которые свидетели иногда делали перед ответом, свидетельствуют о том, что, давая каждый раз ответ на вопрос, засекреченный свидетель должен был тщательно взвесить свои слова, чтобы не сказать информации, ведущей к его раскрытию» (см. с. 44). Свидетель Панченко Д.В.

в судебном заседании показал, что такая девушка ему неизвестна и её показания не соответствуют действительности (см. с. 76 ниже);

19.6. показания свидетеля под псевдонимом «Альфа», допрошенного в условиях, исключающих визуальное наблюдение, рассказавшего, что он содержался в изоляторе временного содержания (ИВС) в одной камере с Ходаком А.А., который пытался связаться с Заявителем (названным по кличке) и выяснить, придерживается ли тот оговоренной версии. Также Ходака А.А. волновало, чтобы не подвёл «Митяй» (см. с. 17 приговора);

19.7. показания свидетеля под псевдонимом «Бета», допрошенного в условиях, исключающих визуальное наблюдение, рассказавшего, что он содержался в ИВС в одной камере с Заявителем, который сообщил ему, как указано в приговоре, что «все пошло не так, как они планировали, так как остался свидетель, который может их опознать», а на вопрос о причинах убийства Заявитель, со слов свидетеля под псевдонимом «Бета», сказал, что «тот беспредельщик и с ним по-другому нельзя» (см. с. 17 приговора);

19.8. показания свидетеля под псевдонимом «Мамонов», допрошенного в условиях, исключающих визуальное наблюдение, рассказавшего, что он содержался в ИВС, когда там находились Заявитель и Ходак А.А., и из их разговоров друг с другом свидетелю под псевдонимом «Мамонов» стало известно, что они, как указано в приговоре, «застрелили нерусского охранника и выстраивают себе алиби» (см. с. 17 приговора);

19.9. судебно-баллистическое заключение, из которого следует, в частности, что дробь, изъятая у врача и в ходе осмотра трупа, а также дробь, изъятая в ходе обыска в квартире Заявителя, относится к одному номеру, пыж-контейнер патрона, изъятый в ходе обыска в квартире Заявителя, и пыжи-контейнеры патронов, изъятых при осмотре места происшествия, предназначены для снаряжения охотничьих патронов 12-го калибра, предназначенных для стрельбы из гладкоствольных охотничьих ружей 12-го калибра (см. с.с. 19—20 приговора).

20. Другие обвинительные доказательства, названные в приговоре, подтверждают факт причинения смерти убитому и другие обстоятельства,

имеющие значение для дела, но не свидетельствуют о совершении преступления именно Заявителем и Ходаком А.А.

21. Ни Заявитель, ни Ходак А.А. ни на предварительном следствии, ни в суде свою вину никогда не признавали, о чем прямо написано в приговоре (см. с.с. 3—4).

22. При этом свидетели Воронов А.В. и Резник Е.А. показали, что видели, как Заявитель со своей девушкой возвращались к себе домой примерно в 4 часа ночи, причем их подвозили на автомобиле Ходака А.А. Свидетель Иванов Г.И. дал показания о том, что примерно в 3 часа 50 минут Ходак А.А. приехал на стоянку, где оставил свой автомобиль и уехал со своей девушкой на такси. Свидетельница Сопина С.А. – диспетчер такси показала, что в начале пятого Ходак А.А. заказывал такси на автостоянку. Свидетель Лубенец С.Б. – водитель такси показал, что подвозил Ходака А.А. с девушкой, а к пяти часам утра вернулся на базу. Свидетельница Величенко Н.Ю. – девушка Заявителя показала, что Заявитель постоянно был с ней с момента отъезда из клуба и до примерно 10 часов утра, когда приехали сотрудники милиции. Свидетельница Пензева С.Ю. – девушка Ходака А.А. показала, что с момента отъезда из клуба и до утра, когда пришли сотрудники милиции, была с Ходаком А.А. Во всех смывах и срезах с ногтевых пластин Заявителя и Ходака А.А. частиц пороха обнаружено не было. Хотя эксперт при этом пояснил, как указано в приговоре, что «не обнаружение частиц пороха на представленных эксперту образцах смывов не свидетельствует об их отсутствии, а <...> является следствием позднего (свыше 3-х часов с момента выстрела) отобрания образцов для экспертизы, что не позволило провести сравнение» (см. с.с. 13—17 и 22—24 приговора).

23. Таким образом, вывод о виновности Заявителя (как и Ходака А.А.) в совершении преступления сделан исключительно на основе доказательств в виде показаний потерпевшего и свидетелей. Ни вещественных доказательств или документов, ни заключений экспертов в основу вывода о его виновности не положено, не считая очевидно чрезвычайно слабого в доказательственном плане заключения баллиста о том, что дробь, которой был убит Александр

Качмазов, и дробь, изъятая в квартире Заявителя, относится к одному типу, равно как пыжи-контейнеры патронов, изъятых при осмотре места происшествия и из квартиры Заявителя, предназначены для снаряжения охотничьих патронов того же самого калибра.

24. Показания свидетелей Кимайкина Ю.В., Багаева А.Н., Шевченко С.Е. и оперуполномоченного Нагорнова М.В. даны с чужих слов. Они не являлись очевидцами убийства или поездки за ружьями, к выводу о которой пришел суд. И их показания свидетельствуют лишь о том, что утром после убийства потерпевший Качмазов Алан называл стрелявшими Заявителя и Ходака А.А. (в том числе уже после общения с сотрудниками милиции, которым Заявитель и Ходак А.А. в принципе были известны). Таким образом, эти показания могут лишь в некоторой степени усиливать достоверность опознания Качмазовым Аланом Заявителя и Ходака А.А., то есть усиливать показания единственного очевидца убийства.

25. Однако Заявитель никогда не предъявлялся Качмазову Алану для опознания в порядке, предусмотренным УПК РФ. Заявитель был «опознан» Качмазовым Аланом во время очной ставки между ними. Другими словами, Заявитель не был представлен Качмазову Алану в числе других лиц. Ходак А.А. был опознан Качмазовым Аланом по фотографии. При этом опознание проводилось через три месяца после убийства.

26. В любом случае, кроме Качмазова Алана очевидцами важных для дела событий являлись, согласно выводам суда, лишь Панченко Д.В. и Сизов Р.Р. При этом первый был очевидцем лишь поездки за ружьями, а второй – того, что на заднем сиденье автомобиля Ходака А.А. утром перед убийством находилось ружье (виднелся приклад от ружья). Очевидцами убийства эти свидетели не являлись. Кроме того, Панченко Д.В. в судебном заседании отказался от своих показаний, данных в ходе предварительного расследования и положенных в основу вывода о виновности Заявителя, суд сам признал, что часть этих показаний недостоверна, кроме того, Панченко Д.В. неоднократно менял свои показания в ходе расследования, что также было отмечено самим судом. Всё это не может не свидетельствовать о более

низком доказательственном значении показаний Панченко Д.В. О том, что их можно использовать только в совокупности с другими весомыми доказательствами виновности Заявителя. Свидетель Сизов Р.Р., согласно показаниям других свидетелей, являлся тем, кто на самом деле убил Качмазова Александра. И хотя показания этих свидетелей в итоге были признаны судом недостоверными, едва ли показания этих свидетелей не свидетельствуют о том, что к показаниям Сизова Р.Р. необходимо относиться с большой осторожностью. И их использование также возможно лишь в случае подкрепления весомыми доказательствами виновности Заявителя.

27. В свете всего этого оставшиеся доказательства, положенные в основу вывода о том, что преступление было совершено Заявителем (как и Ходаком А.А.) – показания четырех свидетелей, допрошенных под псевдонимами и в условиях, исключающих визуальное наблюдение, которые в части показаний свидетеля под псевдонимом «Наталья» подкрепляют показания Панченко Д.В., а в части свидетелей под псевдонимами «Альфа», «Бета» и «Мамонов» фактически имитируют отсутствующее признание Заявителем и Ходаком А.А. своей вины в совершении преступлений, без всяких сомнений являются определяющими для исхода разбирательства по предъявленному Заявителю уголовному обвинению.

Ответ на вопрос Суда под № 4: «Были ли реализованы существенные процессуальные гарантии, предусмотренные российским законодательством и практикой его применения, либо обеспечены особые условия рассмотрения данного дела, которые компенсировали бы использование показаний этих свидетелей?»

28. Российское законодательство и практика его применения не предусматривают достаточно существенных процессуальных гарантий, которые компенсировали бы использование показаний свидетелей, данные о личностях которых не раскрываются и которые допрашиваются в условиях, исключающих визуальное наблюдение. Никакие особые условия

рассмотрения дела Заявителя, которые имели бы эффект таких гарантий, обеспечены не были.

29. Из гарантий, которые предусматривает российское законодательство и которые были реализованы по делу Заявителя, можно назвать лишь то, что свидетелей, дающих показания под псевдонимами, может, при наличии такого желания, допрашивать наряду со сторонами и суд. И председательствующий по делу Заявителя действительно задал несколько вопросов этим свидетелям. Кроме того, председательствующему были известны данные о личностях этих свидетелей.

30. Российское законодательство также не запрещает председательствующему наблюдать за поведением свидетеля, допрашиваемого в условиях, исключающих визуальное наблюдение сторонами, например, по видеосвязи. Однако по делу заявителя председательствующий этим таким своим правом не воспользовался. Свидетели были допрошены с использованием лишь «селекторной телефонной связи, изменяющей голос свидетеля» (см. с.с. 65, 79, 92 и 99 ниже).

31. Кроме того, российское законодательство и практика его применения не предусматривают необходимости представления такой информации о свидетеле, которая подтверждала бы правдивость свидетеля (с сохранением при этом в секрете информации о его личности). Суды ограничиваются лишь утверждением о том, что показания свидетелей, допрашиваемых под псевдонимами, подтверждаются другими доказательствами по делу. Однако они в равной степени могут и опровергаться другими доказательствами по делу. Что, в частности, явно имело место в данном случае применительно к показаниям свидетелей под псевдонимом «Наталья», которые подтверждались лишь показаниями свидетеля Панченко Д.В., от которых он отказался, а также – косвенно – информацией о похищении ружей у жителей поселка Ныш. В то же время показания свидетеля под псевдонимом «Наталья» противоречили не только

показаниям Заявителя и Ходака А.А., но и показаниям множества других свидетелей, подтвердивших их алиби (см. п. 22 выше).

32. Защита Заявителя ставила под сомнение само существование свидетеля под псевдонимом «Наталья». Свидетеля, который, как было сказано самим этим свидетелем в судебном заседании, «сама пришла в прокуратуру и рассказала» (см. с. 69 ниже). Свидетеля, который, с его слов, с год знает Панченко Д.В. и имеет с ним настолько близкие отношения, что тот перед отъездом из поселка на следующий же день после убийства подробно рассказал этому свидетелю обо всём, что, со слов этого свидетеля, произошло перед убийством (см. с.с. 66—67 ниже). Свидетеля, который, будучи столь близким другом Панченко Д.В., тесно общавшегося с Заявителем и Ходаком А.А., с самими Заявителем и Ходаком А.А. был знаком лишь «заочно» (см. с. 69 ниже). В пользу существования этого свидетеля говорит лишь совпадение его показаний и показаний свидетеля Панченко Д.В., данных тем на предварительном следствии, от которых он отказался в суде. Однако очевидно, что если бы свидетель под псевдонимом «Наталья» был вымышленным, искусственно созданным лишь для подтверждения показаний Панченко Д.В., от которых тот оказался, то показания этого свидетеля действительно должны были бы воспроизводить показания Панченко Д.В., подписанные тем на предварительном следствии. Это никак не развеивает сомнения в существовании свидетеля под псевдонимом «Наталья». Более того, суд второй инстанции фактически отказался содержательно рассматривать аргументы защиты о том, что этот свидетель был вымышлен, что показания под этим именем фактически второй раз дал Едыков Р.В., основанные на заявлении самого Едыкова Р.В. И ограничился лишь тем, что назвал эти аргументы «голословными», несмотря на готовность Едыкова Р.В. дать показания об этом непосредственно суду второй инстанции.

33. Не предусматривают российское законодательство и практика его применения и особенностей оценки показаний свидетелей, допрошенных в условиях, исключающих визуальное наблюдение, и без раскрытия данных о личностях. В частности, не предусматривается необходимость придавать

таким доказательствам – при прочих равных – меньшее доказательственное значение, компенсируя тем самым ограничения, накладываемые на сторону защиты.

Ответ на вопросы Суда под № 5: «Были ли судами обеспечена справедливость судебного разбирательства в целом, как этого требует статья 6 § 1 Конвенции? При ответе на этот вопрос сторонам предлагается ответить на следующие вопросы: (а) Оценили ли национальные суды влияние того, что данные о личностях свидетелей не были раскрыты, на справедливость судебного разбирательства в целом? (б) Обеспечили ли национальные суды справедливость судебного разбирательства в целом, как это требует статья 6 § 1 Конвенции, посредством отражения в приговоре, где это необходимо, оснований не раскрывать данные о личностях свидетелей? (с) Принимая во внимание право допрашивать показывающих против него свидетелей по смыслу статьи 6 § 3 (d) Конвенции, мог ли заявитель эффективно допрашивать свидетелей, данные о личностях которых не были раскрыты, до или во время судебного разбирательства? (d) Были на сторону защиты наложенные какие-либо ограничения в части возможности задавать вопросы свидетелям, данные о личностях которых не были раскрыты? Если да, то совместимы ли эти ограничения с правами заявителя, предусмотренными статьей 6 Конвенции?»

34. Судами не была обеспечена справедливость судебного разбирательства в целом, как этого требует статья 6 § 1 Конвенции.

35. (а) Ничто в приговоре и кассационном определении не свидетельствует о том, что суды оценили влияние на справедливость судебного разбирательства того обстоятельства, что данные о личностях свидетелей под псевдонимами «Наталья», «Альфа», «Бета» и «Мамонов» не были раскрыты стороне защиты.

36. При оценке в приговоре показаний свидетеля под псевдонимом «Наталья» суд первой инстанции лишь указал на установление того, что свидетель «не являлась сотрудником правоохранительных органов, находилась в помещении одна, при ней не имелось письменных документов и сотовых телефонов, против раскредивания своей личности возражала, опасаясь за свою жизнь и здоровье. Некоторые [несоответствия] показаний свидетеля [под псевдонимом] «Наталья» установленным обстоятельствам суд находит незначительными и связанными с тем, что свидетель <...> сам[а] не являлась непосредственным участником описываемых событий, излагая их со слов. <...> [Н]е порочит показаний свидетеля [под псевдонимом] «Наталья» и отрицание их в судебном заседании свидетелем Панченко Д., который сам на протяжении предварительного следствия и в суде постоянно менял показания <...>. <...> Показания свидетеля [под псевдонимом] «Наталья» не вызывают сомнения в объективности, поскольку подтверждаются совокупностью других приведенных в приговоре доказательств и соответствуют установленным фактическим обстоятельствам, в связи с чем суд признает их допустимым и достоверным доказательством» (см. с. 33 приговора).

37. Фактически тем же самым суд первой инстанции ограничился и при оценке показаний остальных свидетелей, данные о личностях которых не были раскрыты: «В судебном заседании без визуального наблюдения допрашивались свидетели [под псевдонимами] «Альфа», «Бета», «Мамонов», чьи данные были засекречены в ходе предварительного следствия. Этим свидетелям после установления личности были разъяснены их права; они находились в помещении одни; при них не имелось никаких письменных документов и мобильных телефонов; голоса свидетелей были изменены. Опасаясь за свою жизнь и здоровье, свидетели категорически возражали против раскрытия их данных. Стороны задали этим свидетелям все интересующие их вопросы и получили на них исчерпывающие ответы. Оснований признавать показания этих свидетелей недопустимыми, как о том ставит вопрос защита, у суда не имеется. <...> Из показаний свидетелей [под

псевдонимами] «Альфа», «Бета» и «Мамонов» следует, что им <...> во время нахождения в Ногликском ИВС стало известно о причастности к убийству какого-то нерусского <...> находящихся здесь же <...> [Заявителя] и Ходака А. Не порочит показания свидетеля «Альфа» и показания допрошенного в судебном заседании по инициативе стороны защиты свидетеля Черных В.А., который в период с 26 июля 2009 года по 30 июля 2009 года находился согласно сообщению Ногликского ИВС в одной камере с Ходаком А. Ни свидетель «Альфа», находившийся в одной камере с Ходаком А., ни свидетель «Бета», находившийся в одной камере с [Заявителем], не указывают конкретного времени, говоря о конце июля 2009 года. <...> [Неупоминание] свидетелем «Бета» имевшегося у [Заявителя] незначительного телесного повреждения в области надбровной дуги слева, полученной в результате конфликта с Качмазовым Александром, не свидетельствует об отсутствии между [Заявителем] и свидетелем «Бета» разговора, произошедшего в конце июля 2009 года. Отвечая на уточняющие вопросы, свидетель «Бета» пояснил, что рассказал то, что помнит по прошествии года. <...> Попытка стороны защиты установить данные засекреченного свидетеля «Мамонова» путем вызова и допроса в судебном заседании находившегося в одно время с подсудимыми в ИВС Ноглинского района осужденного Сорокина А.Ю., воспользовавшегося ст. 51 Конституции РФ и отказавшегося давать показания, также не ведет к признанию показаний засекреченных свидетелей недопустимым доказательством. Ставя под сомнение показания свидетеля «Мамонова»[,], сторона защиты утверждает, что этот свидетель, не находившийся в одной камере с [Заявителем] или Ходаком А., не мог слышать их переговоров, которых, по утверждению подсудимых, они и не вели. Приведенный довод отвергается показаниями свидетеля Черных В.А., пояснившего, что видеть, слышать, а соответственно быть в курсе происходящего в ИВС, возможно. Дача показаний Ходаком А. на предварительном следствии не исключает необходимости согласования дальнейший действий с [Заявителем], в том числе в отношении отработки алиби и решения вопросов о разыскиваемом оперативными сотрудниками

оружии, о чем говорил в показаниях свидетель «Мамонов». Довод защиты о том, что подсудимые не стали бы обсуждать свое алиби с Сорокиным А.Ю., имевшим длительный стаж нахождения в местах лишения свободы, является предположением» (см. с.с. 43—45 приговора).

38. В кассационном определении судебной коллегии по уголовным делам Сахалинского областного суда от 05 июля 2013 г. указано лишь, что «[в]опреки доводам защиты допрос свидетелей «Альфа», «Бета», «Наталья», «Мамонова» судом обоснованно проведен в соответствии с нормами УПК РФ в условиях, исключающих визуальное наблюдение. Указание стороной защиты в жалобе [на то], что засекреченным свидетелем под псевдонимом «Наталья» в действительности был свидетель Едыкин, голословно, поскольку свидетель Едыкин об этом в суде не говорил, а данные о личности засекреченных свидетелей на следствии и в суде были сохранены в тайне. При этом <...> из материалов уголовного дела и протокола судебного заседания не следует, что показания свидетеля под псевдонимом «Наталья» носят вынужденный характер и были даны под давлением со стороны сотрудников милиции. Судом верно установлено, что показания свидетеля под псевдонимом «Наталья» не вызывают сомнени[й] в их объективности, поскольку подтверждаются совокупностью приведенных в приговоре доказательств, в связи с чем <...> суд обоснованно признал их допустимым и достоверным доказательством. Таким образом, показания свидетеля Едыкина, а также свидетелей под псевдонимами «Наталья», «Альфа», «Бета» и «Мамонов», которые продолжают оставаться засекреченными, подробно проанализированы в приговоре, и суд дал им всестороннюю оценку с учетом их проверки наряду с другими доказательствами. При этом <...> показания свидетелей под псевдонимами «Наталья», «Альфа», «Бета» и «Мамонов» добыты предварительным следствием и исследованы судом в соответствии с требованиями <...> УПК РФ» (см. с.с. 12—13 кассационного определения).

39. (b) Национальные суды не обеспечили справедливость судебного разбирательства в целом, как это требует статья 6 § 1 Конвенции, посредством

отражения в приговоре оснований не раскрывать данные о личностях свидетелей.

40. Ссылки в приговоре на то, что имелись основания опасаться за жизнь и здоровье свидетелей, были абстрактными и сформулированными одинаково применительно ко всем свидетелям. Никаких данных о реальной угрозе свидетелям в приговоре приведено не было. Ничто в приговоре не свидетельствует о том, что суду было известно, по каким конкретным причинам, не считая абстрактных заявлений свидетелей о том, что они опасаются за свои жизнь и здоровье, данные о свидетелях были засекречены в ходе предварительного расследования. Свидетель Сизов Р.Р., на показания которого в качестве подтверждения угрозы жизни и здоровью свидетелей, допрошенных под псевдонимами, ссылался государственный обвинитель, показаний о том, что его жизни или здоровью кто-то угрожал, не давал.

41. (с) Заявитель и защита в целом не могли эффективно допрашивать свидетелей, данные о личностях которых не были раскрыты, ни до, ни во время судебного разбирательства, поскольку, как изложено ниже, на возможность задавать вопросы в судебном заседании были наложены ограничения, и обоснованные сомнения в существовании свидетеля под псевдонимом «Наталья», а также правдивости показаний остальных свидетелей, допрошенных под псевдонимами, не были устранены государственным обвинителем или судом иным образом. Возможность задать этим свидетелям вопросы на предварительном следствии защите не предоставлялась.

42. (d) На сторону защиты были наложены ограничения в части возможности задавать вопросы свидетелям, данные о личностях которых не были раскрыты.

43. Председательствующим были сняты, в частности, следующие вопросы со ссылкой на то, что они направлены на установление данных о личностях засекреченных свидетелей:

43.1. Свидетелю под псевдонимом «Наталья»: об именах знакомых, друзей и подруг свидетеля, которые, как сообщил этот свидетель, называли

убитого «Асиком» и рассказали свидетелю об убийстве, о задержании Заявителя и Ходака А.А. (см. с. 69—70 ниже);

43.2. Свидетелю под псевдонимом «Альфа»: о том, сколько человек находилось в камере, в которой, как утверждал этот свидетель, они содержались вместе с Ходаком А.А., когда туда завели Ходака А.А., и как долго они вместе находились в камере (см. с. 82 ниже), о том, в какой камере свидетель «Альфа», как он утверждает, находился с Ходаком А.А., на сколько мест была камера, где она находилась (см. с. 86 ниже);

43.3. Свидетелю под псевдонимом «Мамонов»: кто находился в камере вместе с этим свидетелем (см. с. 101 ниже), за какое время до Заявителя и Ходака А.А. был задержан свидетель, который, как он утверждал, находился в ИВС, когда туда доставили Заявителя и Ходака А.А. (см. с. 103 ниже).

44. Кроме того, свидетель под псевдонимом «Бета» отказался отвечать на вопрос о том, что побудило его пойти и дать такие показания, и на вопрос о том, что ему обещали за дачу таких показаний (см. с.с. 94—95 ниже).

45. С учетом конкретных обстоятельств дела, эти ограничения несовместимы с правами заявителя, предусмотренными статьей 6 Конвенции. Поскольку постановка этих вопросов перед свидетелями представляла собой попытку реализации единственной возможности продемонстрировать, что свидетель под псевдонимом «Наталья» не существует, был придуман органами расследования, а свидетели под псевдонимами «Альфа», «Бета» и «Мамонов» сообщают явно недостоверные сведения относительно обстоятельств нахождения в ИВС одновременно с Заявителем и Ходаком А.А., что подтверждало бы и ложность их показаний об информации, полученной, с их слов, от Заявителя и Ходака А.А.

Ответ на вопросы Суда под № 1: «Было ли разбирательство по предъявленному заявителю уголовному обвинению справедливым по смыслу статьи 6 § 1 Конвенции? В частности, имел ли заявитель возможность допрашивать показывающих против него свидетелей, как того требует статья 6 § 3 (d) Конвенции?»

46. С учетом ответов на вопросы Суда под №№ 1—5, разбирательство по предъявленному Заявителю уголовному обвинению не было справедливым по смыслу статьи 6 § 1 Конвенции, Заявитель не имел возможности допрашивать показывающих против него свидетелей, как того требует статья 6 § 3 (d) Конвенции.

_____ Олег Анищик, представитель Заявителя

Приложения:

1. Доверенность на представление интересов заявителя в Суде (с первой копией, без нумерации).
2. Копия извлечений из протокола судебного заседания Ноглинского районного суда по делу Заявителя от 27 октября – 17 декабря 2010 г. (с.с. 1, 146—211, 281—287 и 570—579).
3. Копия заявления Едыкина Р.В., адресованного защитнику Заявителя, от 30 мая 2011 г.
4. Копия акта опроса Едыкина Р.В. с его согласия защитником Заявителя от 30 мая 2011 г.
5. Копия ходатайства защитника Заявителя, адресованного судебной коллегии по уголовным дела Сахалинского областного суда.